

УДК 37.015

С. В. Струценко

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Л. Н. ТОЛСТОЙ О ДУХОВНОСТИ¹

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования духовной личности в современной системе образования. Общественность и специалисты, занимающиеся вопросами воспитания, единодушно выражают озабоченность тем, что в настоящий период процесс духовно-нравственного становления подрастающего поколения осуществляется неудовлетворительно, что во многом обусловлено сложной социокультурной ситуацией в новейшей России. С точки зрения автора, решить проблему возрождения духовности может обращение к богатейшей истории

¹ Начало статьи в предыдущем номере журнала.

отечественной педагогики, в частности к философско-публицистическому наследию Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Дано определение духовности: в современном понимании это интеллектуальная сущность человека, результат глубинного освоения им знаний о природе, обществе и человеке, проявление в нем подлинно человеческого, возвышающего его над эгоистическими потребностями. Автор публикации считает, что духовность основывается прежде всего на гуманистических ценностях, в том числе принадлежащих религиозной культуре.

Показано, что педагогические концепции Толстого и Достоевского привлекательны сегодня тем, что они направлены на свободное формирование личности на основе общечеловеческих идеалов и усиливают гуманистическое движение «развития разумного человека». Положения работ и идеи двух выдающихся писателей-мыслителей XIX в. созвучны декларируемому, но пока не реализованному содержанию образования, в котором, во-первых, человек провозглашается высшей ценностью; во-вторых, все принципы и методы воспитания духовно-нравственной личности нацелены на активизацию ее творческой деятельности, саморазвитие, самосовершенствование; в-третьих, признается право ребенка на индивидуальность.

Ключевые слова: педагогика, духовность, формирование личности, социально-ценностное образование.

Abstract. The paper is devoted to the urgent issue of moral personality formation in the framework of the modern education system. Both the society and education specialists are concerned about the unsatisfactory moral education of the growing generation. For solving the problem of moral revival, the author considers the Russian pedagogical heritage – particularly, the philosophical and publicistic works of F. M. Dostoyevsky and L. N. Tolstoy.

The paper provides the modern definition of spirituality as the intellectual essence of the human being, based both on the deep knowledge of nature, society, human individuality and humanistic or religious values outweighing the selfish needs.

In author's opinion, the pedagogical concepts developed by Dostoyevsky and Tolstoy are still relevant, being aimed at developing the free personality and addressing the universal human values. The ideas and concepts of the 19th century's outstanding thinkers perfectly correspond with the currently proclaimed educational content: they define the man as the highest society value; direct all the principles and parenting practices of spiritual and ethic

education at creativity development, self-development, and self-improvement; and acknowledge a student's individuality.

Keywords: pedagogy, spirituality, personality formation, social and axiological education.

Духовность в наследии Ф. М. Достоевского

XIX в. подарил человечеству одного из наиболее значительных духовно-нравственных авторитетов – Федора Михайловича Достоевского.

Одной из его заслуг стало создание своеобразного течения в отечественной эстетике – почвенничества, основной идеей которого являлось представление о будущей России как о самобытной, нравственной и умственной самостоятельной державе, где будет преодолено социальное неравенство оторвавшихся друг от друга как в материальном, так и в духовном отношении различных сословий. Добиться этого можно было, с точки зрения Достоевского, путем их мирного, ненасильственного слияния, сглаживания социальной несправедливости. Решение же этой проблемы ставилось в зависимость от уровня образования и развития, в том числе духовного, представителей разных сословий.

Однако взгляды Ф. М. Достоевского на проблемы духовного и эстетического развития личности и общества были более широкими, чем у остальных представителей почвенничества. Он считал, что жизнь людей и отдельно взятого человека немыслима без такой категории, как красота, полагал ее наличие главнейшим показателем качества жизни и отводил ей исключительную роль в становлении личности.

Ф. М. Достоевский распространял понятие «искусство» на всю духовную сферу. Мыслитель очень высоко ценил художественность искусства, так как считал, что ее недостаточность снижает нравственно-воспитательное воздействие последнего. «Образ красоты» еще более важен для искусства, поскольку он обеспечивает самостоятельность восприятия мироздания. Более того, писатель ут-

верждал, что «потребность в красоте и творчестве, включающем ее, есть такая же потребность, как есть и пить. Без нее человек не захотел бы жить на свете» [1, с. 80].

В поздний период деятельности, когда у Достоевского окончательно сформировались философские взгляды и позиция, основанные на возвращении к христианской вере, понятия красоты и идеала прекрасного остались ведущими в его антропологической концепции. В контексте выдвигаемой им идеи духовно-религиозного преображения мира эти категории приняли на себя «функции жизнеформирующих основ в развитии духовных начал человечества» [7, с. 83–84]. Изучение наследия Ф. М. Достоевского позволяет сделать заключение о том, что духовное развитие личности у него, как и у Л. Н. Толстого, выступает ведущим средством совершенствования общества.

Будучи приверженцами антрополого-гуманистического направления в педагогике, и Достоевский, и Толстой в качестве ведущей черты духовности выделяли гуманность. Федор Михайлович для своих педагогических воззрений избрал девиз: «При полном реализме найти в человеке человека».

Существовало (и продолжает существовать) расхожее мнение, что Ф. М. Достоевский прежде всего мастер психологического анализа. Сам же писатель называл себя в первую очередь реалистом, хоть и изображающим наиболее скрытые, потаенные глубины души человеческой, высвечивающим самые темные ее закоулки, но при этом убедительно показывающим, как на сокровенные движения души этой тем не менее оказывают сильное, иногда непосредственное и далеко не всегда положительное влияние внешние условия жизни, окружающая среда, обстановка, социальный фон.

Для Достоевского недостойным, немислимым является тот человек, у которого как черта характера, как суть его поступков отсутствует гуманность, ведь именно она определяет характер личности. Федор Михайлович, названный когда-то очень точно «обнаженной совестью нашей», с сожалением признавал, что в ситуации зарождающегося в России бездушного, бесчеловечного бур-

жуазного общества и начинающих складываться в нем соответствующих отношений присутствие гуманности, которая «истекает из глубины христианского духа народного», становится чем-то из ряда вон выходящим. Ф. М. Достоевский полагал, что главной мыслью общества и его заботой должны стать «люди огрубевшие, негуманные, полуварвары, ждущие света»... В «Дневнике писателя» есть запись, сделанная в ноябре – декабре 1876 г.: «Вы их осветить хотите, привив им гуманность даже к животным, не так ли? Так не лучше ли заняться прежде их положением и по крайней мере вникнуть: готовы или не готовы они обстоятельствами к восприятию вашей прекрасной проповеди. Будьте же погуманнее» [4, с. 124].

Достоевский понимал, что насильно исправить человека невозможно, поэтому настаивал на следующем: в стремлении стать идеалом во плоти нужно, «чтоб человек нашел, осознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое он может сделать из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон я сливается с законом гуманизма» [4, с. 172].

Но в этом слиянии следует придерживаться золотой середины, иначе «кто слишком любит человечество вообще, тот, большею частью, мало способен любить человека в частности. Кто очень уж жалеет злодея (вора, убийцу и прочих), тот весьма часто не способен жалеть жертву его» [4, с. 264].

Достоевского-публициста, у которого в подавляющем большинстве художественных произведений в центре внимания находится напряженный духовный поиск молодых людей, не могли не волновать проблемы молодежи, ведь, выражаясь его словами, «из подростков создаются новые поколения». И как художник-мыслитель, и как общественный деятель Достоевский возражал тем, кто обвинял молодежь в «плотоядности», и гневно обличал тех, кто планомерно старался, чтобы в подрастающем поколении не было «ни-какого духа», чтобы в нем был «истреблен Бог». Хотя писатель кате-

горично не опровергал утверждения, что «и без Бога можно быть гуманным и любить человечество», однако, опираясь на свои наблюдения и опыт, указывал, что, как правило, таким людям абсолютно неважно, что происходит с другими тогда, когда им хорошо. Этих людей следует остерегаться, так как в критических ситуациях им присуще либо равнодушие, либо бессилие даже при желании что-либо изменить к лучшему. А «сознание своего совершенного бессилия принести хоть какую-нибудь пользу человечеству при убеждении в страдании человечества может даже обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему» [5, с. 49].

Размышления Достоевского о сущности гуманности можно обобщить одним его высказыванием: «Выше нет счастья, как уверовать в доброту людей и в любовь их друг к другу».

Особое значение писатель придавал той черте духовности, которую «Педагогический словарь» трактует как «нравственное качество личности, определяющее сознательное и активное выполнение гражданских обязанностей и долга перед государством, обществом, народом; разумное использование своих гражданских прав, точное соблюдение и уважение законов страны» [8, с. 31].

Ф. М. Достоевского как истинного гражданина сильно беспокоили бесправие и жалкое положение низших сословий и та социально-политическая обстановка, которая складывалась на его глазах на Родине. Он старался делать все возможное для того, чтобы изменить ее или хотя бы сколько-нибудь улучшить. Достоевский не мог оставаться равнодушным и к тому вакууму бездуховности, в котором пребывали, точнее влачили жалкое существование, огромные пласты населения России.

По его мнению, между гражданскими и нравственными идеалами всегда существует прямая и абсолютная зависимость, причем первые определяются и корректируются последними. Гражданские права являются целью и способом «утоления нравственного стремления национальности», которое в ней сложилось. «Гражданские идеалы» сами по себе, без этого нравственного стремления, никогда, ни при каких условиях зародиться и развиваться не могут.

Социальное и гражданское «самосовершенствование», согласно Ф. М. Достоевскому, должно происходить в религиозном духе, так как оно есть «исповедание полученной религии». Он считал заблуждением разделять христианские и гражданские доблести, поскольку отчетливо осознавал, что нравственное и гражданское начала – это единое целое. «У вас гражданские идеалы одно, а христианство другое, – писал он, сопоставляя Западную Европу с Россией. – По-нашему, по-русски это неделимо. Гражданским должно быть христианство, а христианин уже поневоле гражданином, ибо мы христианство принимаем в идее, а не в слове или в букве» [4, с. 225].

Как замечал Достоевский, долгое время то, что называлось в России обществом, «набиралось и составлялось из помещиков», а в последнее время из чиновников (буржуазии). Отмена крепостного права, казалось, сняла все сословные предрассудки, поэтому общество будто бы должно быстро поменяться. По этому поводу в программной статье «почвенников» «Объявление о подписке на журнал “Эпоха” в 1865 году» находим: «Наш русский прогресс не иначе может определиться и хоть чем-нибудь заявить себя, как только по мере развития национальной жизни нашей и пропорционально расширению круга ее самостоятельной деятельности как в экономическом, так и в духовном отношении, – пропорционально постепенности освобождения ее от вековой в себе замкнутости. Повторяем, вот к чему прежде всего надо стремиться и чему надо способствовать. До тех пор будет у нас на виду одно только смешение языков в нашем образованном обществе и чрезвычайное духовное его бессилие. Мы видим, как исчезает наше современное поколение, само собою, вяло и бесследно, заявляя себя странными и невероятными для потомства признаниями своих “лишних людей”» [4, с. 219].

Одними из главных компонентов духовности Ф. М. Достоевский, подобно А. Н. Толстому, признавал внутреннюю свободу и совесть. Подчеркивая двойственность природы человеческой, Достоевский отмечал, что нигде так сильно она не проявляется, как во внутренней свободе. В человеке присутствует сильное созна-

ние, потребность самоотчета и нравственного долга к самому себе и к человечеству. Если же у него отсутствуют эти качества, то он менее совестлив и у него чрезмерно развито самомнение.

Если Л. Н. Толстой под совестью понимал способность слышать «тот голос Бога, который живет в нас», внимая которому человек решает, совершать или не совершать тот или иной поступок [15, с. 367], то Ф. М. Достоевский акцентировал внимание на том, что «совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного», но «желающие веровать – уверуют» [11, с. 264].

Как для Л. Н. Толстого, так и для Ф. М. Достоевского совесть проявляется в человеке отчетливо и сполна только тогда, когда он свободен, причем свободен не внешне (что может оказаться лишь видимостью свободы), а внутренне, т. е. волен в выборе и осуществлении тех или иных действий, решений, поступков.

В соответствии с педагогическими воззрениями Федора Михайловича, воспитание у молодежи свободы вообще и внутренней свободы в частности требует огромных усилий, поскольку среди еще несформировавшихся как личности молодых людей, особенно подростков, в силу малого разума и неумной физической энергии широко распространено заблуждение, что «драться кулаками – большая свобода, нежели доказывать свою правду на словах» [12, с. 56]. В публицистических статьях Достоевский доказывал, что честь, берущая свое достоинство в слепом соблюдении известных наружных форм, а не черпающая его из внутренней потребности души человеческой, перестает быть честью, потому что ни одно благое начало не может осуществляться вопреки внутренней свободе.

Ф. М. Достоевский неоднократно подчеркивал в своих дневниках, что проверкой верности убеждений и правильности принятых решений, мерилom нравственности для русского человека является образ Христа: «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна – Христос. Но тут уж не философия, а вера, а вера – это красный цвет... Сжигающего еретиков я не могу признать нравственным

человеком, ибо не признаю ваш тезис, что нравственность есть согласие с внутренними убеждениями. Это лишь честность (русский язык богат), но не нравственность. Нравственный образец и идеал есть у меня – Христос. Спрашиваю: сжег ли бы он еретиков, – нет. Ну так, значит, сжигание еретиков есть поступок безнравственный... Христос ошибался – доказано! Это жгучее чувство говорит: лучше я останусь с ошибкой, со Христом, чем с вами... Живая жизнь от вас улетела, остались одни формулы и категории, а вы этому как будто и рады. Больше, дескать, спокойствия (лень)...» [6, с. 56–57].

О чем это пространная цитата? Конечно, каждый человек имеет право на убеждения и выражение своих собственных мыслей, потому что это одна из сторон выражения его свободы. Никто не в состоянии запретить ему делать это. Но духовно развитая личность должна не только обладать свободой в суждениях и действиях, но и нести ответственность за них, уважать других людей и их мнение, пусть и отличное от собственного.

В жизни иногда складывается ситуация, когда поведение человека можно с большой долей уверенности назвать честным, а какой-то поступок безнравственным, даже несмотря на то, что совершен он из убеждения. В данном случае Ф. М. Достоевский предостерегал: «Иногда нравственнее бывает не следовать убеждениям, и сам убежденный, вполне сохраняя свое убеждение, останавливается от какого-то чувства и не совершает поступка. Бранит себя и презирает умом, но ответственностью по отношению к себе не может совершить и останавливается» [6, с. 57].

Людей, неспособных на такой поступок и неспособных сохранять ответственность в отношении своих мыслей и дел, Ф. М. Достоевский называл «сухощавыми духом». Подобный тип людей, совершая преступления, «уезжает без сознания вины своей». Как гражданину и педагогу, ему был не понятен человек, который, «подавляя в себе долг и не признавая обязанности, требует в то же время всех прав себе», он называет такое поведение «свин-

ством», несмотря на то, что «это так соблазнительно», ведь духовно богатый человек «хорошим примером живет».

И если в жизни придерживаться свободы в суждениях наряду с ответственностью по отношению к самому себе, то, по мнению Ф. М. Достоевского, «никто не поверит в то, что ты бесчестен, ибо из честного человека не сделаешь подлеца» и «никто даже не будет пытаться обвинять тебя, если он сам честен». Федор Михайлович призывал: «Будемте порядочными людьми, господа. Приобретемте стыд. И тогда уже будем уважать себя не за ум только, а и за честность» [3, с. 299].

Ф. М. Достоевский утверждал, что законом человеческой природы является потребность «заявить себя, отличаться, выйти из ряда вон». Со стороны личности в «грубом, неустроенном состоянии общества» это проявляется «грубо и даже дико», а в обществе уже развившемся – «нравственно-гуманным, сознательным и совершенно свободным подчинением каждого лица выгодам всего общества и, обратно, непрерывной заботой самого общества о наименьшем стеснении прав всякой личности» [2, с. 63–64].

Заключение

Педагоги-исследователи и педагоги-практики конца XX – начала XXI в., занимающиеся проблемами воспитания, единодушно выражают озабоченность тем, что в системе российского образования формирование духовной культуры личности, процесс духовно-нравственного становления подрастающего поколения осуществляются, мягко говоря, неудовлетворительно. Настоящая система образования остро нуждается в усилении нравственной направленности. Возможности для позитивных перемен стоит поискать, на наш взгляд, в богатейшей истории отечественной педагогики, в частности в уникальном наследии Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Большинство положений и идей, выдвинутых гениальными писателями-педагогами в отношении духовного воспитания человека, его нравственного самосовершенствования, содержания школьного образования, часто воспринимались их современника-

ми и некоторыми последующими советскими деятелями от образования как «список просчетов». На самом же деле время показало обратное. Разве не являются гуманистическими основами педагогики осознанная и добровольная нравственность, свобода в суждениях, внутренняя свобода, ответственность по отношению к самому себе и к окружающим, понимание социальной справедливости, гражданственность, единство сознания и реальной жизни? Разве могут устареть такие понятия, как совесть, доброта, милосердие, честность?

Не только для нынешних, но и будущих поколений национальная культура, в том числе искусство и литература, остаются неиссякаемым источником человеколюбия, нравственности и духовности. Вызревавшая во второй половине XIX в. концепция формирования духовно-нравственной личности представляет сейчас особый интерес для педагогики, так как в развитии области образования и воспитания, где с конца 20-х гг. XX столетия преобладали авторитарные тенденции, произошел почти вековой разрыв преемственности традиций, который нужно устранить. Принятый современной отечественной системой образования курс на гуманизацию личности и школы актуализирует идеи Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого и других представителей антрополого-гуманистической педагогики.

Литература

1. Достоевский Ф. М. О русской литературе. Москва, 1980. С. 80.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. С. 63–64.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 299.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. С. 124.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. С. 49.

6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 57.
7. Достоевский Ф. М. Эстетика / под ред. А. А. Беляева. Москва, 1989. С. 83–84.
8. Педагогический словарь. Москва: Академия, 2000. С. 31.
9. Педагогический энциклопедический словарь. Москва: БСЭ, 2002. С. 81.
10. Проблема духовности в наследии светских и православных педагогов и современная школа: тезисы докладов научно-практической конференции / под ред. В. А. Фадеева. Рязань: РГПУ, 1996. С. 20.
11. Толстой Л. Н. Круг чтения. С-Петербург: Прогресс и культура, 1912. 768 с.
12. Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. Москва, 1989. С. 456–457.
13. Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. Москва: Учпедгиз, 1953. С. 398.
14. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Гослитиздат, 1938. Т. 8. С. 306.
15. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Гослитиздат, 1958. Т. 45. С. 367.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Гослитиздат, 1950. Т. 41. С. 533.

References

1. Dostoevsky F. M. About Russian literature. Moscow, 1980. 80 p. (In Russian)
2. Dostoevsky F. M. Complete works in 30 volumes. V. 24. Leningrad: Nauka, 1982. P. 124. (In Russian)
3. Dostoevsky F. M. Esthetics / under the editorship of A. A. Belyaev. Moscow, 1989. P. 83–84. (In Russian)
4. Dostoevsky F. M. Complete works in 30 volumes. Leningrad: Nauka, 1978. V. 18. P. 63–64. (In Russian)

5. Dostoevsky F. M. Complete works in 30 volumes. Leningrad: Nauka, 1980. V. 21. P. 299. (In Russian)
6. Dostoevsky F. M. Complete works in 30 volumes. Leningrad: Nauka, 1982. V. 24. P. 49. (In Russian)
7. Dostoevsky F. M. Complete works in 30 volumes. Leningrad: Nauka, 1984. V. 27. P. 57. (In Russian)
8. Pedagogical dictionary. Moscow: Academia, 2000. P. 31. (In Russian)
9. Pedagogical encyclopedic dictionary. Moscow: BSE, 2002. P. 81. (In Russian)
10. The problem of spirituality in heritage of unclerical and orthodox teachers and modern school: scientific practical conference *Abstracts* / under the editorship of V. A. Fadeev. Ryazan: Publishing house of RGPU, 1996. P. 20. (In Russian)
11. Tolstoy L. N. Complete works in 90 volumes. Moscow: Goslitizdat, 1958. V. 45. P. 367. (In Russian)
12. Tolstoy L. N. Complete works in 90 volumes. Moscow: Goslitizdat, 1950. V. 41. P. 533. (In Russian)
13. Tolstoy L. N. Complete works in 90 volumes. Moscow: Goslitizdat, 1938. V. 8. P. 306. (In Russian)
14. Tolstoy L. N. Pedagogical works. Moscow, 1989. P. 456–457. (In Russian)
15. Tolstoy L. N. Pedagogical works. Moscow: Uchpedgiz, 1953. P. 398. (In Russian)
16. Tolstoy L. N. Reading sphere. St. Petersburg: Progress and culture, 1912. 768 p. (In Russian)